

Л. П. Потапов принял участие в торжествах по случаю открытия Музея этнографии Мексики.

В 1964 г. Комиссия Отделения истории АН СССР по использованию данных исторических наук для практики народного хозяйства продолжала работу по внедрению в практику предложений, подготовленных в 1962—1963 гг. Наиболее важными были предложения по использованию земель древнего орошения в бассейнах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. По заданию Всесоюзного проектно-исследовательского и научно-исследовательского института «Гидропроект» продолжались работы Хорезмской экспедиции по составлению археологической карты низовьев Сыр-Дарьи.

В 1964 г. на заседаниях Ученого совета Института этнографии было поставлено на защиту 4 докторских и 11 кандидатских диссертаций. Диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук защитили сотрудники Института этнографии С. В. Иванов («Орнамент народов Сибири как исторический источник»), Э. В. Померанцева («Судьбы русской сказки в XVIII—XIX вв.»), Т. А. Жданко («Каракалпаки. Основные проблемы этнической истории и этнографии»).

С. И. Брук защитил в Институте географии АН СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук на тему «Основные проблемы этнической географии, методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования».

В порядке помощи в подготовке кадров союзным республикам институт принял к защите работу «Антропология древнего и современного населения Грузии», которую М. Г. Абдушелишвили защитил в начале 1964 г.

Кандидатские диссертации в 1964 г. защитили три сотрудника Института этнографии — Д. Е. Еремеев («Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории»), П. И. Пучков («Формирование современного этнического состава населения центральной и южной Меланезии») и А. А. Зубов, защитивший в Институте антропологии МГУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Ученый совет провел защиту кандидатских диссертаций шести аспирантов института, в том числе подготовленных для работы в Черкесии, Каракалпакии, УССР, Молдавии и Азербайджане. Кроме того, на Ученом совете института защитили кандидатские диссертации ученые из Академии наук Азербайджанской ССР, Мордовии, Дагестана, Латвии.

В 1964 г. работа группы общей этнографии была целиком подчинена задачам подготовки VII МКАЭН и проводилась в непосредственном контакте с группой по научной подготовке конгресса.

Обеими группами были совместно проведены три совещания советских участников симпозиума «Учение Моргана в свете данных современной этнографии», в ходе которых были заслушаны и обсуждены выступления на предстоящем симпозиуме, что в значительной степени помогло проведению дискуссии по этой проблеме.

Группой общей этнографии проведен ряд заседаний, посвященных обсуждению докладов советских делегатов конгресса и тезисов докладов зарубежных делегатов. Обсуждение этих тезисов (главным образом по секции «Теория и методология») также в значительной мере помогло подготовиться к предстоявшим дискуссиям.

В наступившем 1965 году коллективу Института этнографии вместе с антропологами, этнографами, фольклористами союзных республик предстоит изучить итоги VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, учесть сильные и слабые стороны нашей науки.

И. А. Золотаревская

НОВАЯ ВЫСТАВКА «НАРОДЫ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ» В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В августе 1964 г., в канун 250-летия МАЭ, экспозиция «Народы Восточной Азии» пополнилась разделом «Народы Монгольской Народной Республики»¹.

История монгольских коллекций в МАЭ насчитывает почти два с половиной столетия. В 1725 г. доктор Д. Г. Мессершмидт, побывавший по поручению Российской Академии наук в некоторых районах Сибири, Даурии и Монголии, передал Кунсткамере богатую этнографическую коллекцию, в которой были экспонаты, отражающие

¹ Экспозиция подготовлена сотрудниками ленинградской части Института этнографии АН СССР К. В. Вяткиной, Г. А. Гловацким, А. М. Решетовым, М. Г. Слесаревым и М. П. Павловой. Об экспозиции см. «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (краткий путеводитель по экспозиции)», М.—Л., 1964, стр. 22.

культуру и быт монголоязычных народов². Часть их была выставлена уже на первых экспозициях, в первые годы существования музея³. Монгольские вещи были широко представлены и на музейной экспозиции «Отдела культурных стран Азии», существовавшей в МАЭ в начале XX в.⁴ В настоящее время в фондах МАЭ хранится много предметов, характеризующих основные занятия, материальную и духовную культуру халха-монголов, дербетов, торгутов, дархат, бурят, калмыков и других монголоязычных народов. Коллекции по народам МНР насчитывают свыше 2500 единиц хранения. Это результат большого труда собирателей — Г. М. Осокина, Д. А. Клеменца, А. В. Руднева, С. Ф. Ольденбурга, А. В. Бурдукова, Б. Я. Владимирцова, В. В. Бартольда, Д. Д. Букиннича, Ж. Жамцарано, Ц. Дамдинсурэна, Б. Ринчена, К. В. Вяткиной и других. Изучению и систематизации монгольских коллекций много внимания уделял крупный знаток этнографии народов Восточной Азии проф. Н. В. Кюнер.

Выставка открывается большим стендом, материалы которого рассказывают о географии, населении и истории Монголии.

В последние годы советские и монгольские археологи под руководством А. П. Окладникова нашли на территории Монголии палеолитические стоянки. Археологические материалы дают возможность проследить непрерывность заселенности Монголии на всем протяжении человеческой истории. В северо-восточной Монголии знаменитый русский путешественник П. К. Козлов раскопал гуинские курганы Ноин-Ула. Древние тюрки оставили в Монголии и другие следы своего пребывания (каменные бабы, орхонские надписи и т. д.). Сведения о собственно монголах появляются в первой половине первого тысячелетия нашей эры.

По данным на начало 1964 г., население МНР составляло 1018,8 тыс. чел., из них свыше 900 тыс. чел. — монгольские народы. Группа халха-монголов является основой консолидации монгольской нации. Среди западных монголов (ойратов), сохранивших до недавнего времени племенное деление, выделяются несколько групп: дербеты, байты, цзахашины, торгуты и т. д. На монгольском языке говорят и немонгольские по происхождению народы, например, дархаты. На территории МНР живут также тюркские народы — казахи, чанту (узбеки), тувинцы, уйгуры, а также хамниганы (эвенки), небольшие группы русских и китайцев, начавших селиться на территории Монголии с XVII в. Общее количество немонгольского населения — свыше 100 тыс. чел. Таким образом, Монголия — многонациональная страна. Расселение народов МНР показано на цветной схематической карте, составленной К. В. Вяткиной. В легенде приведена классификация народов по лингвистическому принципу.

Материалы раздела «Феодальная Монголия» показывают жизнь монгольского народа до победы Народной антифеодальной революции. Монголия была чисто скотоводческой страной, где господствовали феодальные отношения. Большая часть скота и вся земля находилась в собственности монастырей и светских феодалов. Жестокая эксплуатация аратов — трудящихся скотоводов — светскими и духовными феодалами и иностранными колонизаторами сковывала творческие силы народа, на целые века задержав политическое и экономическое развитие страны. Цветные монгольские плакаты, представленные на экспозиции, разоблачают эксплуатацию аратов феодалами.

В витринах выставлена старинная одежда — женский халхаский халат и шелковый, расшитый золотом костюм светского феодала.

На экспозиции выставлены «ямбы»⁵ (серебряные слитки, игравшие роль денег), предметы обмена — плитка чая, куски шелка, шкурки тарбогана (сурка), верблюжья и баранья шерсть и т. д.

Большой раздел посвящен ламаизму. Ламаистская церковь не только одурманивала арата, но и жестоко его эксплуатировала. «Желтые феодалы» (так называли лам-монахов по цвету их одежды) владели одной пятой всего скота в стране. На них работало 120 тыс. шабинаров (крепостных). Экспонированный плакат разоблачает жадность, жестокость и лицемерие ламаистской церкви (см. фото 1 посредине справа). Выставлены монашеский головной убор типа шлема с высоким бахромчатым гребнем из шерстяных толстых ниток, четки ламы, хурдэ (молитвенное колесо), различные музыкальные инструменты, употреблявшиеся при богослужениях в монастырях: длинные металлические трубы, барабанчики, гонги и т. д. В монастырях было развито печатание книг

² См. Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии за 250 лет, «Сборник МАЭ», т. XXII, М.—Л., 1964, стр. 8. По этой работе можно проследить также историю формирования этнографических коллекций, посвященных культуре и быту монгольских народов.

³ См. Т. В. Станюкович, Указ. раб., стр. 22.

⁴ См., например, А. И. Иванов (составитель), Путеводитель по МАЭ им. Петра Великого, Пг., 1915, стр. 8—11.

⁵ О «ямбах» см.: П. К. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, М., 1947, стр. 324.

Рис. 1

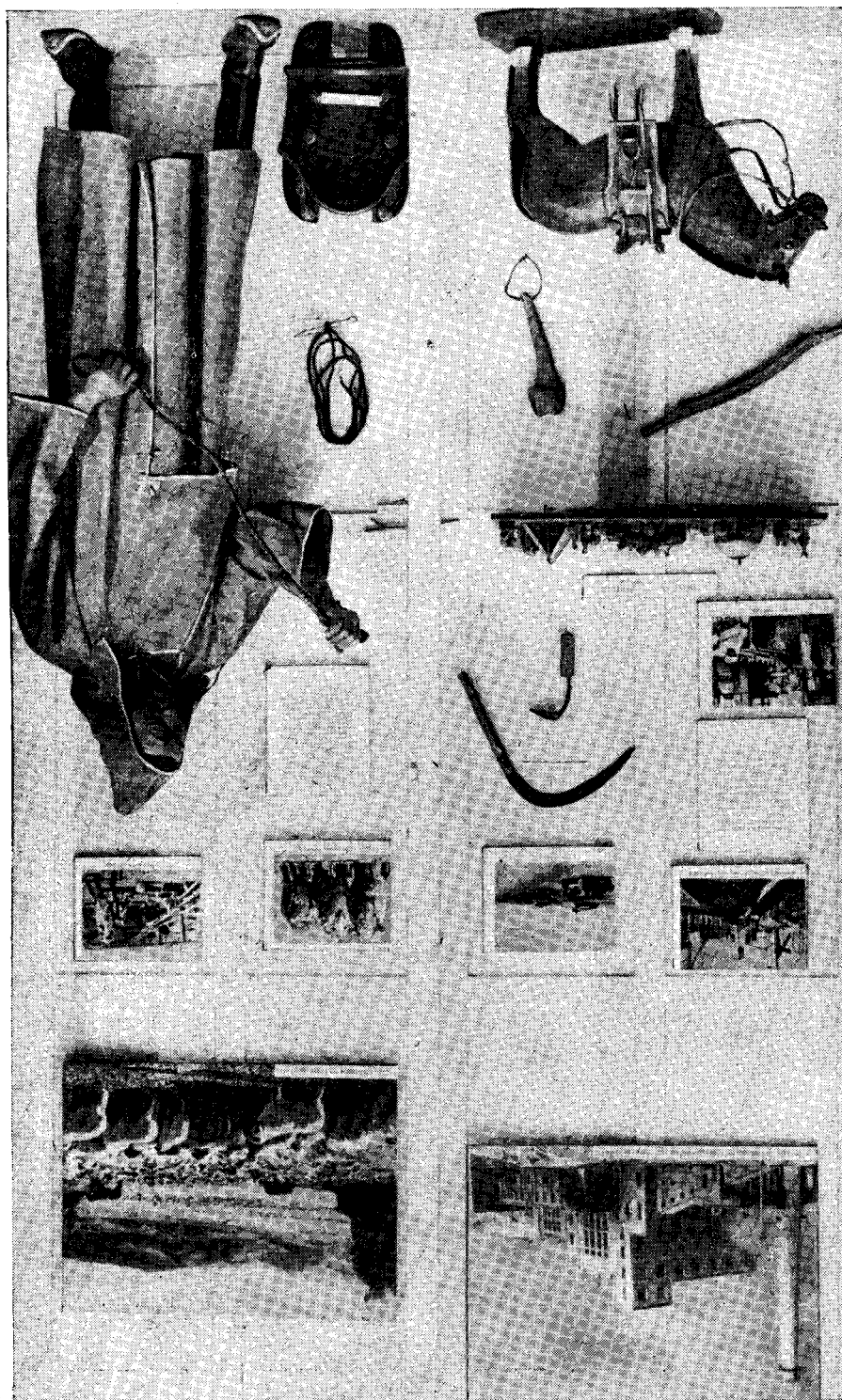

Fig. 2

ксилографическим способом. На доске вырезался текст, который покрывался краской, после чего делался отпечаток на бумаге. Эти деревянные печатные формы (ксилографы) употреблялись многократно, как своего рода клише. Поэтому при крупных монастырях хранилось большое количество таких ксилографов. На экспозиции можно видеть деревянные формы с вырезанными на них тибетскими буквами (тибетский язык был широко распространен в монастырях и служба велась на тибетском языке) и отпечатанные книги. Интересен манекен ламы⁶ в желтом шелковом халате с коричневой отделкой вокруг ворота. В молитвенной позе сидит монах на вытканной из шерсти материи, украшенной цветным крестообразным узором, в руках у него четки, на голове — высокая остроконечная шляпа из желтого тибетского сукна с красной оторочкой и с загнутыми вверх высокими ушами (каитами).

При монастырях ежегодно устраивались представления-мистерии «цям». Слово «цям» — тибетского происхождения и означает танец. Цям — сюжетное представление с религиозным, буддийским содержанием. Это зрелище пользовалось большой популярностью у народа. Очевидно, своими корнями оно связано с шаманскими мистериями и с народными театральными представлениями монголов, подвергшимися в дальнейшем сильной ламаизации. Известный русский монголист А. М. Позднеев писал, что цамовское представление устраивалось «в знак того, чтобы, явив врагам веры и добродетели ясное присутствие на земле божества, отвратить все эти злонамеренные существа от последователей веры Будды»⁷.

Во время представления — шествия масок — исполнялись пантомимические пляски, в сопровождении музыкальных инструментов, на специальных площадках в монастырском дворе. Действующие лица изображали божеств. Маски изготовлялись из папье-маше и глины. Ламы были одеты в широкие, богато разукрашенные халаты⁸. В фондах МАЭ хранятся редчайшие коллекции, характеризующие мистерии цам⁹. Некоторые из них представлены на экспозиции — три громадных разукрашенных маски, деревянные фигурки персонажей цамовского представления, вырезанные в монастырях ламами-умельцами. Экспонируется картина, где изображено одно из таких представлений в старой Урге, около дворца Богдо-гегена.

Ламаизм впитал в себя некоторые черты шаманизма, древней религии монголов. Шаманизм сохранялся частично в отдельных районах северной и восточной Монголии до самого последнего времени, например, у дархатов. В витрине стоит манекен дархатской шаманки в ритуальном одеянии. Шаманка изображена в момент камлания с поднятым в левой руке бубном (см. рис. 1 слева внизу). Полный костюм дархатской шаманки подарен нашему музею известным монгольским ученым проф. Б. Ринчену.

О современных занятиях народов Монголии рассказывают материалы витрины, (см. рис. 2), где выставлены: манекен арата в красном традиционном дождевике, деревянный манекен лошади в полной упряжке, седло, путы для коней, молоток из рога изюбра, волосяной поводок для быка, вилка для поводка, вставляемая в нос верблюда. Модель стойбища (резьба по дереву) дает наглядное представление о повседневном быте монгольского скотовода. Овцы, козы, лошади, верблюды, крупный рогатый скот — богатство страны. До самого последнего времени скотоводство являлось почти единственной отраслью народного хозяйства. Теперь хозяйство Народной Монголии все более приобретает многоотраслевой характер. Это проиллюстрировано большими фотографиями размером 85×80 см. Животноводство является хорошей базой для развития ряда отраслей промышленности: молочной, кожевенной, обувной, шерстообрабатывающей и других. В стране созданы новые отрасли промышленности — каменноугольная, горнорудная, нефтяная, деревообрабатывающая, бумажная и т. п. Возникли современные виды транспорта: железнодорожный, авиационный, автодорожный. Значительное развитие в МНР получило земледелие, ранее не игравшее существенной роли в хозяйстве. О том, что земледелие было издавна известно монголам, свидетельствует экспонированный на выставке старый монгольский серп для уборки пшеницы. На освоенных ныне массивах целины созданы госхозы, сельскохозяйственные объединения, машинно-животноводческие станции. Посевная площадь составляет 450 тыс. га (1964 г.). МНР обеспечивает потребности в зерне внутри страны. Среди подсобных занятий следует назвать охоту, рыболовство. Усилиями трудящихся МНР с братской помощью СССР преодолена вековая отсталость и успешно завершается строительство социализма в стране.

В Монголии развиты различные виды народного ремесла. На экспозиции представлены изделия ремесленного производства: традиционная обувь монголов — гутулы

⁶ Этот и другие манекены на монгольской выставке изготовлены А. А. Колокольчиковым и И. Н. Хитровым.

⁷ А. М. Позднеев, Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XVI, СПб., 1887, стр. 392.

⁸ Подробнее о цаме см.: А. Д. Авдеев, Происхождение театра, Л.—М., 1959, стр. 170—176, а также библиографию на стр. 207.

⁹ См. Т. В. Станюкович, Указ. раб., стр. 35.

(войлочные сапоги), головные уборы, вышивки и т. д. Показаны процессы изготовления войлока (на фотографии) и кожаных аппликаций для украшений (выставлены деревянные формы, при помощи которых на коже выдавливается контур орнамента, вырезаемый затем ножом). На отдельном щите выставлены серебряные изделия мастеров-ювелиров — женские украшения с инкрустацией драгоценными камнями. Представлена резьба по дереву, камню, современный фарфор.

На экспозиции выставлены образцы современной одежды и утвари. Женский манекен одет в ярко-зеленый с синей отделкой халат, подпоясанный оранжевым поясом. На голове — синяя матерчатая повязка. Мужской манекен одет в темно-синий халат, подпоясанный длинным куском синей материи. На голове — фетровая шляпа, на ногах — кожаные сапоги. Предметы домашнего обихода представлены сосудом для чая, большим кожаным сосудом для кумыса и кислого молока, деревянным ковшом для молока и кумыса, металлическим таганком для варки пищи, березовой ступой для толчения чая, мешком из разноцветных кусков шерстяной материи для перевозки утвари и т. п. О пище монголов дают представление образцы сушеных молочных продуктов. В витрине имеются образцы курительных трубок, кисетов, а также игры монголов (шахматы, домино, особые рисованные карты).

На открытой экспозиции, на высоком постаменте, стоит модель современной модернизированной юрты, изготовленная в МНР (см. фото 3). Несколько юрт образуют аил — стойбище. Внутри юрта освещена электричеством, и посетители через открытую дверь юрты видят ее традиционное убранство. Когда-то юрта была преобладающим видом жилища. На фотовитрине можно видеть снимок старой дореволюционной Урги, сплосшь состоящей из юрт. И здесь же показаны новые районы Улан-Батора (бывший Урги) — красивые современные дома, магазины, административные здания, озелененные улицы и площади.

О современной культуре, о разительных переменах в культурном строительстве рассказывает заключительный раздел выставки. До революции грамотность являлась монополией феодалов, чиновников, лам. Около 99% населения было неграмотно. Сейчас в стране полностью ликвидирована неграмотность. Каждый шестой гражданин МНР учится. В стране открыт университет, другие высшие и средние специальные учебные заведения. С XII в. у монголов существует своя письменность; в начале 40-х годов был введен новый алфавит на основе русской графики. На экспозиции широко представлены произведения монгольских авторов, изданные в МНР на монгольском языке и в СССР — на русском. На фотографиях — просторные аудитории университета, ученики в классах, дети в детском саду и т. д.

В Монголии всенародной любовью пользуется «надан» — монгольский национальный спортивный праздник. Его полное название — «эрийн гурван наадан» («три игры мужей»): стрельба из лука, борьба, конские скачки. В МНР надан является большим праздником — его обычно проводят в годовщину народной революции. Это также отражено на выставке: в витрине — традиционный монгольский лук и стрелы, на фотографиях — конские скачки, борьба, стрельба из лука.

На выставке представлены моринхуры — музыкальные смычковые инструменты. Монгольская музыкальная культура оказала влияние на развитие китайской музыки. Ряд монгольских инструментов был заимствован китайцами¹⁰.

В МНР создан музыкальный театр, на сцене которого идут классические и монгольские оперы и балеты, организован симфонический оркестр, действуют драматические театры и цирк. Об этом рассказывают фотографии (сцена бала из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» в Театре оперы и балета, выступление в монгольском цирке).

Развиваются традиционные виды народного искусства. В витрине — современная резьба по камню (монгольские шахматы), на фотографии — резчик по дереву за работой.

Народы МНР борются за превращение своей страны в индустриально-аграрное государство. Выставка хорошо иллюстрирует то, как в МНР претворяется в жизнь ленинское учение о возможности перехода ранее отсталых, слабо развитых стран к социализму, минуя капитализм¹¹.

XIV съезд МНРП (июль 1961 г.) определил основную задачу страны и партии: завершение строительства социалистического общества. В настоящее время в МНР на базе многоотраслевого социалистического хозяйства завершается процесс формирования единой монгольской нации.

Новая выставка «Народы Монгольской Народной Республики», открытая в старейшем русском музее — Музее антропологии и этнографии АН СССР в дни празднования его 250-летия, — одно из многочисленных свидетельств большого интереса советских людей к культуре братского монгольского народа, одно из проявлений монголо-советской дружбы.

А. М. Решетов

¹⁰ «Музыкальные инструменты Китая», пер. с китайского, М., 1958, стр. 23.

¹¹ См. подробнее: И. Я. Златкин, С. К. Рошин, Исторический опыт некапиталистического развития Монгольской Народной Республики, «Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 67—79.